

ПАПИРОЛОГИЯ В СССР И ОБЗОР ХРАНЯЩИХСЯ В МУЗЕЯХ МОСКВЫ, ЛЕНИНГРАДА И ТИФЛИСА КОЛЛЕКЦИЙ ПАПИРУСОВ *

Г. Ф. Ц Е Р Е Т Е Л И

Началоположителем развития в СССР папирологии, иначе говоря, науки, изучающей греческие и латинские памятники письменности, начертанные на папирусе, является ныне покойный академик и профессор Петербургского университета В. К. Ернштедт. Им в 1887 г. был издан в России первый греческий папирус из небольшой коллекции Петербургской Публичной библиотеки, коллекции, приобретенной еще в 1857 г. и оставшейся с тех пор не затронутой ни одним из русских ученых. За этим изданием в 1891 г. последовала исполненная тем же Ернштедтом публикация другого папируса из той же коллекции, известного в науке под названием „вещего“. Это название объясняется тем, что в папирусе, содержащем каталог книг какого-то ученого III в. н. э., упомянуто среди книг „Афинская полития“ Аристотеля, еще не бывшая достоянием науки в то время, когда упомянул о ней наш папирус, попав в 1856 г. в Россию.

Как это всегда бывает, нужен был первый толчок. Публикации В. К. Ернштедта пробудили в России дремлющий интерес к папирологии, к этой еще в конце XIX в. сравнительно юной научной дисциплине. С другой же стороны счастливым для занятий папирологией обстоятельством послужило и то, что известный русский египтолог В. С. Голенищев как раз в конце XIX в. составил свою, ныне находящуюся в Москве в Музее Изысканных искусств, египетскую коллекцию, в которую вошли и приобретенные им в Египте греческие и латинские папирусы. Получился новый, богатый, непечатый материал, на который В. К. Ернштедт и направил внимание и силы своих учеников, с присущим ему искусством руководя их первыми робкими начинаниями. Одним словом, папирология получила в России права гражданства наравне с другими научными дисциплинами.

Между тем материал рос: коллекция В. С. Голенищева перестала быть единственной, прибавились коллекции Н. П. Лихачева и Панадопуло-Керамевса, небольшое собрание Бога, и, наконец, М. И. Максимовой и мое, приобретенные для нас в Египте акад. Б. А. Тураевым. Надо было

* Доклад, прочитанный 29 мая 1936 г. на заседании гуманитарной секции науч. сессии Тбилисского гос. университета.

думать об общем издании всех папирусов: пришла пора заменить отдельные публикации сведением всего материала в один *Congrus papyrographus*. Работа была начата мною, но ее задержал ряд обстоятельств (война и т. д.). Только в 1925 году при советской власти и ее поддержке удалось мне с моими учениками, проф. П. В. Ершtedтом, сыном покойного академика, и О. О. Крюгером, приступить к тому, что было нашим чаяньем, к изданию всех находящихся в пределах СССР греческих и латинских папирусов. Но осуществилось это не в Ленинграде, а здесь, в Тифлисе, где мне была представлена возможность начать издание. Под эгидой университета и были опубликованы первые 4 тома, а за опубликование двух последних взялся Музей Грузии, который и выпустил в минувшем 1935 г. пятый том. С выпуском 6 тома, который не замедлил, издание будет завершено и все наши коллекции греческих и латинских папирусов в общем исчерпаны.

Пока, таким образом, издано с приложением соответствующих введений и разъяснительных комментариев 215 памятников, частью литературного, частью документального характера, причем все эти памятники, падающие на период между 2 в. до н. э. и 8 в. н. э., делятся на греческие и латинские папирусы птолемеевского, ранверимского, позднеримского, византийского и арабского периодов. Я не буду подробно говорить о значении памятников для истории письма. Скажу только, что они ввиду наличия среди них ряда строго датированных документов, разнообразия стилей и почерков, и, наконец, немалого количества прекрасных по письму образцов, являются хорошим вкладом в общую сокровищницу палеографии и вполне заслуживают того, чтобы соответственный отбор из них был заключен в рамки особого сборника снимков, как дополнение к тем сборникам, которые издаются в Западной Европе.

Итак, минуя эту чисто формальную сторону наших коллекций, интересную главным образом для специалистов-палеографов, я перехожу к разбору и оценке входящих в коллекции памятников с точки зрения их содержания.

Начнем с литературных памятников, выделяя только те из них, которые имеют исключительное значение. Конечно, дело не обойдется без Гомера, этого „вечного“ спутника каждого образованного грека, настолько „вечного“, что рукописи Гомера часто следовали после смерти своих владельцев за ними, в их гробницы, как нечто, от них неотделимое. Папирусов с отрывками из Илиады и Одиссеи у нас много, но важным для критики текста является один, из коллекции Голенищева, содержащий почти всю 17 рапсодию Илиады и относящийся к 2 в. н. э. Далее не следует обойти молчанием и небольшого клочка из „Антологии“, относящегося к глубокой древности, к 2 в. до н. э., и дающего отрывок из „Данаи“ Еврипида (fg. 324 Nauck), с опущением одного стиха, который, находясь в более поздних рукописях, представляет собой позднюю, не еврипидовскую, вставку. Для текстуральной критики подобный факт очень важен, как важно и то, что другой наш папирус с отрывками из Геродота только один и дает верное чтение двух мест, испорченных во всех прочих рукописях.

Но оставим в стороне эти и другие отрывки из известных нам раньше авторов античности (напр. отрывок из Исократ), и перейдем к отрывкам из таких произведений, которые до сей поры были нам неизвестны. Иначе говоря, мы переходим в область „воскресших“ поэтов, прозаиков и ученых древнего мира.

Тут на первом месте надо поставить фрагмент из комедии Менандра „Отравительницы“. Перед нами остатки сценки, стоявшей, по-видимому, недалеко от конца пьесы. Сперва идет разговор между двумя лицами, живой, выдержанный в естественном, непринужденном тоне, с налетом легкого юмора. Затем по удалении одного из действующих лиц начинается монолог оставшегося на сцене персонажа, который в такой форме излагает свою непритязательную житейскую философию:

Напрасно на судьбу я раньше жалился.
Мне худо было.—случу я и вымолвил:
„Слепа Судьба“, она-ж, как видно, зрячая!
Страдал не втуне я,—страданьем выковылял
Себе же счастье, а его бы не было,
Не будь страданья.. Ясно, что не следует,
Кому живется плохо, вешать голову,
Беда подчас бывает к счастью поводом!

По отношению к этому фрагменту мы находимся в положении историка искусства, стоящего перед фрагментом дивной статуи. Статуя разбита, но сохранившийся от нее кусок не потерял своего очарования. Так и мы, воспринимая отрывок Менандровской комедии, ощущаем его прелесть, его художественную красоту. Но есть среди литературных пapyсов и такие, которые, не претендуя на особую художественность, важны и интересны в другом отношении. Вот напр., папирус, содержащий гимн в честь Диониса и падающий на 3 в. н. э. Автор гимна нам неизвестен. Кто он, мы не знаем. Мы имеем перед собой только продукт его творчества, да и то лишь предварительный набросок, по которому поэт не успел пройти с последним резцом. Но зато нам дается в гимне новая неизвестная версия мифа о борьбе бога Диониса при распространении им своего культа с царем Фракии Ликургом. Дается история борьбы в двух моментах: сперва поражение бога, потом явление его во славе и блеске. Бог творит чудеса. Они смущают богоборца,—он в трепете. Но ему уже нет прощенья,—Дионис неумолим. Он наводит на Ликурга безумие. В припадке безумия Ликург, думая, что он видит перед собой змей, убивает своих детей, затем приходит в себя, опознает бога, осознает ужас своего положения. Что будет дальше?

Сила безумия распалась.. Но гнева однако Дионис
Не укротил, и Ликурга, недвижно стоявшего, горем
Тяжким томимого, он виноградом опутал и крепко
Члены лозой оковал.. С той поры средь живущих на свете
Горькую долю влачил он: леза ему шею сжимала.
Жилы с обеих сторон охвативши, а ныне свершает
В крае безбожных он грудь безнадежный, в дырявую бочку
Воду вливая, она ж изливается в область Аида.
Кару такую Зевес громовежец, сын Крона, назначил

Для богоборцев-людей, дабы их наказание коснулось
Мерю равной при жизни, а также и после их смерти.

Как я уже сказал, главное в гимне это—даваемая им новая версия мифа, и благодаря ей он вырастает в своем значении для нас, а с другой стороны, он интересен и как образчик того периода в истории греческой поэзии, когда греческий гений уже выдохся и не имел сил подниматься выше посредственности.

Но довольно поэзии. Коснемся теперь другой области, а именно, прозы, как художественной, так и научной, которая еще шире представлена в памятниках, сохранных нашими папирусами. Отметим, прежде всего, прекрасный отрывок из Жития философа Секунда, „молчальника“, даваемый одним папирусом III в. н. э. и рисующий картину того, как даже перед лицом смерти Секунд не открывает своих уст и как затем, приведенный к императору Адриану, он и тут не нарушает своего обета не произносить ни слова. Что особенно выделяет отрывок, это—поразительная простота, сжатость и наивность изложения,—качества, которых уже нет в поздней византийской обработке „Жития“, испещренной разными добавками и риторическими ухищрениями. Второй же пример такого распространения основной краткой версии мы имеем и в „романе об Эзопе“, отрывок из древней обработки которого дает также один из наших папирусов. Если мы сравним и здесь стиль этого нашего отрывка с соответствующими местами романа в его новой византийской одежде, то ясно увидим, насколько испорчен он в поздней переделке. Сама же по себе древняя легенда об Эзопе очень интересна. В ней можно видеть прообраз „приключенческого романа“, в котором рисуется жизнь, путешествия и странствования Эзопа, приводятся его остроумные изречения и поучительные рассказы и, наконец, повествуется о его трагической смерти от руки жителей Дельф, мстящих ему за его язвительные и обидные выходы против них.

Я сказал бы, что папирус, сохранивший этот отрывок, может считаться одним из украшений наших коллекций. Недаром он обратил на себя внимание западноевропейских ученых и вместе с другими, параллельными отрывками, находящимися в Италии, Франции и Англии, послужил темой для хорошей немецкой диссертации Zeitz'a, вышедшей в 1935 г. Итак, в области „житийного“ романа наши папирусы дают много нового и действительно интересного. Но только ли в ней? Такие отделы, как астрология, религия, риторика и в особенности история древней медицины, в свою очередь представлены первоклассными памятниками. Укажем некоторые из них.

Вот, напр., совершенно уникальный, но, к сожалению, сильно пострадавший от времени, отрывок астрологического трактата. В нем говорится о соотношении планет между собою в связи с занимаемым ими положением, и о том влиянии, которое оказывают они на человеческую жизнь, как бы вперед намечая для людей соответствующую специальность соответственно тому, в каком знаке зодиака находилась при рождении того или другого человека та или другая планета. Изложение ведется в строгом,

сухом, докторальном тоне, вполне подходящем для научного сочинения, тем более, что астрология была в глазах древних наукой, да еще такой, которая приподнимала завесу грядущего.

Такой же строгий, еще более прецизный тон выдерживается и в сочинениях медицинских, из которых я остановлюсь на двух, выделив из общего числа отрывки из фармакологического справочника, восходящего к знаменитому фармакологу Секстию Нигру, современнику Августа, и отрывки из офтальмологического учебника. В свое время ими занимался один из талантливейших учеников В. К. Эрнштедта, один из немногих знатоков древней медицины, слишком рано увесенный смертью, А. Г. Бекштрем. Он и проложил дорогу к разработке наших медицинских папирусов, по которой мы и идем в настоящее время.

Что касается „фармакологического справочника“, то в нем сперва идет речь о разных сортах смолы, главным образом терпентиновой, о способах ее изготовления и о воздействии ее, как лекарства, на разные болезни.

Далее автор переходит к гранатовому яблоку, описывает способ вытяжки гранатового сока, говорит о его лекарственной силе и его применении, а потом от гранатового яблока делает переход к листьям смоковницы и т. д. Одним словом, перед нами практическое руководство для врачей, вроде 6 и 7 книг сочинения Галена „О составлении и силе простых лекарств“, расположенное притом в алфавитном порядке и, помимо всего, интересное и потому, что во многом можно проследить его воздействие на Диоскурида и Плиния. Но не менее любопытен и „офтальмологический учебник“, имеющий форму „вопросника“. В нем, поскольку сохранился, рассматриваются четыре глазных болезни: глаукома, стафилома, птеригий (крыловидная плева) и гипохима (βλάβη-излияние), трактуемые по следующей схеме: 1) определение болезни и ее описание, 2) причины ее возникновения, 3) отличительные свойства, 4) способы хирургического воздействия. Изложение сжатое, краткое, ясное и легко усваиваемое, как то можно видеть из следующих примеров:

1. „Что такое птеригий?“ — „Перепончатый отросток в углу глаза вследствие разращения мяса“.

2. „Как образуется птеригий?“ — „Разрастается мясо ниже угла глаза, который делается чрезмерно большим; происходит же птеригий под роговой оболочкой“.

3. „Чем отличается птеригий?“ — „Различаем его по величине, виду, месту, цвету или природе“.

4. „Чем отличается глаукома от излияния?“ — „Глаукома это — переход самого зрачка из черного цвета в белесоватый, а излияние — застывание недействительной жидкости в области зрачка, мешающее просто видеть или ясно видеть“.

Наконец, поскольку дело касается риторики, то и этот отдел сильно иллюстрируется одним, пока не изданным, папирусом 4/5 в. из коллекции Гос. Эрмитажа, содержащим большой отрывок из какого-то сочинения по риторике, вроде „*προομινασματα*“ Афтония. То, что пока мною прочитано и дополнено, позволяет установить сходство стиля и содержа-

ния как раз с Афтонием, что не значит еще, что мы имеем дело именно с Афтонием: как автор, возможен и какой-нибудь другой ритор, напр. Гермоген. Но во всяком случае папирус должен быть отнесен к числу интересных и важных памятников и дальнейшая работа над ним может привести нас к хорошим результатам и к безусловно положительным выводам.

Заключительным же, резко диссонирующим аккордом ко всей этой массе поэтических и прозаических памятников как чисто художественного, так и научного характера, является разного рода наговоры и заклипания, — проявления дикого суеверия, среди которых особенно интересно одно христианское, VI в. В нем автор призывает к себе на помощь архангелов и ангелов, „закрывающих окна небес“ и „воздымающих свет на четырех концах мира“, дабы они помогли ему одолеть его врагов, представителей ереси „акефалов“, т. е. „безглавных“, не признававших ни церковной иерархии, ни таинств. Но если вспомнить, что эта ересь появляется в VI в., то в нашем папирусе, относящемся к тому же времени, мы можем видеть уже не простой курьез, но интересную справку, важную для истории церкви и религиозных суеверий вообще. Но как ни важны литературные памятники, все-таки не они составляют главное ядро коллекции. Главный материал образуют памятники документального характера, как официальные, так и частные. Конечно, исчерпывающим образом обозреть всю эту массу документов я не имею возможности: надо и здесь ограничиться выборками.

Я начну с частных писем. Еще Pette (Sämtliche Werke, Bd. 26; Stuttgart 1868, 3) сказал, что письма вообще принадлежат к важнейшим памятникам, оставляемым людьми после себя. „Все, что нас радует или огорчает, — говорит он, — тяготит или занимает, все это передается в письмах от чистого сердца. И как неизгладимые следы данного существования, данного состояния, подобные листки тем важнее для потомства, чем более пишущий занят настоящим моментом и чем меньше думает он о будущем“. Именно о настоящем, о всех своих малевьких печалях, радостях, интересах, и думают и пишут авторы наших писем, в какое бы время, при каких бы политических обстоятельствах они ни жили. Лишь изредка, да и то глухо и неопределенно, сообщают они о внешних событиях, как, напр., делает это в III в. н. э. врач Марк в письме к своей матери Антонии. „Никак не мог отлучиться и засвидетельствовать тебе свое почтение. Была битва между жителями верхней части нома и войсками. Пало 15 солдат из числа сингуляриев, не считая легионеров, эвокатов (сверхсрочных), раненных и пропавших без вести“. Но когда и где именно была битва, определить невозможно. Только из письма, посланного той же Антонии ее другим сыном Сереном, мы узнаем, что врач Марк, брат Серена, да и сам Серен, тоже врач, страшно заняты: они поглощены заботами относительно больных и лечебницы. „Уехать нельзя, ропот поднимется, — ну, а представитель власти шутить не любит“. — Хотелось бы проникнуть в суть этого исторического события, но пока что не удалось и вряд ли удастся: никакие комбинации не помогают. Зато из писем обоих братьев, особенно, из письма Серена, ясно вырисовывается тесная связь сыновей с матерью,

их нежная любовь к ней, весь семейный уклад и та гордость за брата, которой преисполнен Серен, о себе самом говорящий очень мало. Видно, что перед нами деловые люди, врачи, находящиеся на государственной службе и как бы дополняющие друг друга. Им не хватает одного: присутствия матери: пусть бы она совсем переехала к ним,—все будет для нее, и любовь, и удобства, и почет.—Однако такие сердечные письма—редкость в той массе писем, которые дают папирусы. По большей части содержание их носит деловой характер. На первом месте стоят практические интересы. То отправитель письма просит о высылке денег или платья, то даются распоряжения чисто хозяйственного характера, то говорится о торговых операциях, о необходимой закупке *en grand* тех или других, ходких или редких товаров. В этом отношении особенно интересен один папирус.—письмо, трактующее о „персиках“. Некто Аммоний дает поручение своему брату Апиону скупить все находящиеся на рынке персики. Мало того, о покупке персиков должен, кроме адресата, позаботиться и какой-то глухой Дионисий. Одним словом, все старания следует приложить, чтобы персики не миновали рук Аммония. На эту покушку Апион должен направить всю свою энергию. Письмо так и нестрит словами: „не ленись“, „не зевай“, „напряги все силы“. Получается такая картина, будто без персиков все для Аммония погибло, и он на манер Ричарда, восклицающего: „Коня, Коня:—все царство за коня!“—не устает повторять: „Персики, Персики,—что угодно за персики“. Чем же объясняется подобная настойчивость? Ларчик, как всегда, открывается просто. Персики были редким явлением на египетском рынке. Впервые, как импортный товар, они появляются в Египте не раньше III в. н. э. На них можно было хорошо нажиться. Вот почему Аммоний, вероятно, торговец фруктами, и не перестает понукать к их скупке Апиона.

А вот другое, не менее любопытное письмо, падающее на VI в., письмо, которое пишет своей матери, Филосторгии, ее сын, Схоластикий, возмущенный долгим молчанием близких. Привожу его *in extenso*: „Думаю, что если рука божия не поможет, сбудется на мне благодаря Вам пословица: «с глаз долой, из сердца вон». Я прямо устал спрашивать в письмах, внимательны ли к Вам известные Вам люди и исполняют ли свой долг по отношению к Вам. Вы же что-то несурзное пишете, не имеющее ни ног, ни головы. Мало того, послал я к Вам и в Арсиноитский ном слугу Коллуфа, написал Вам, прося прислать с ним шерстяную фуфайку и другие вещи и что же? пробыл он у Вас с божьей милостью три с половиной месяца и вернулся с пустыми руками, даже письма от Вас не принес. Коль скоро дело обстоит так, следовало бы и мне мозги в голове иметь и не писать Вам больше: довольно с меня и того, что мною написано!“

Это замечательное по своему стилю и содержанию письмо, вылившееся, что называется, из сердца, замечательно и еще в одном отношении: оно впервые дает нам прототип русской пословицы: „с глаз долой, из сердца вон“. Только из нашего письма стал нам известен греческий образец пословицы, переводом с которого является русская формулировка.

Итак, пока мы имели дело с письмами семейного характера, пусть

разного содержания и тона, но все же однородными по тому *milieu*, из которого они исходили.

Но вот перед нами иное письмо, IV в., которое из семейного быта переносит нас в область социальных отношений, письмо жителей деревни Евгемерии к их патрону Нехо, крупному аграрию, пытающемуся наложить свою руку на личность патронируемых им крестьян. Иными словами, мы имеем здесь наиболее древний пример того, как патрон, под защиту которого добровольно отдавались крестьяне, чтобы иметь в нем опору против фиска, с каковым уже сам патрон имел дело, уплачивал фиску крестьянские налоги и подати, вносимые ему крестьянами,—как этот патрон, несмотря на исправность крестьян, не прочь превратить их в крепостных. Скажу прямо, этому письму цены нет: до такой степени оно важно для истории аграрных отношений. Мы видим, как рука патрона грозит належь тяжелым гнетом на крестьян и как стараются защититься последние. „Мы хотим, чтобы ты знал, господин наш Нехо,—пишут они — что ни при отце твоём, ни при твоей милости мы не передавали Вам своего теда. Мало того, так как из года в год мы делаем свои взносы, мы не ставим себя ни под чью власть... Но если у семьи господской есть в чем-нибудь недостача, то мы, ваш юный патрон, спорить не будем: коль думается тебе налог наложить, то наложи“. Иначе говоря, крестьяне готовы откупиться деньгами, лишь бы сохранить личную свободу.

Однако мы знаем, что сравнительно скоро, в 415 г., крупные собственники, с которыми правительство не могло справиться, с его же согласия из патронов, из защитников угнетаемых, превратились в посессоров, в господ, а мелкие, патронируемые ими собственники, — в „приписных“, в крепостных. Наше письмо, таким образом, показывает, что если *de jure* новый порядок и вступил в жизнь только в 415 г., то *de facto* он начал входить уже в IV в., чтобы затем к VI в. принять форму махрового феодализма. О том же, какой пышностью окружали себя феодалы, наилучшими свидетелями являются те же папирусы, которые повествуют нам о разных магнатах, вроде стрателата и пагарха Феодоракия, резидирующего в г. Арсиноэ, имеющего своих чиновников и играющего роль *grand seigneur*'а, держащего в своих руках всю округу, пагархом которой он является.

Столь же поучительны и относящиеся к другой области памятники, касающиеся школы. Я имею в виду те папирусы и таблички, как волшебные, так и не покрытые воском, которые содержат в себе упражнения учеников в письме. Так, на одной табличке дается многократно повторяемый неопытной рукой школьника греческий алфавит, на другой—опять-таки многократное повторение учеником прописи учителя, сперва тщательное, затем становящееся все более и более небрежным: не то ненавыкшая рука устала, не то притупился интерес пишущего и он счел отделаться от наскучившей работы. Конечно, такие упражнения пестрят орфографическими ошибками и всякого рода *lapsus*'ами. Но с другой стороны, интересно наблюдать и то, как постепенно крепчает рука пишущего, как

он от прописи переходит к самостоятельному письму, берется даже за Гомера.

Не менее любопытны, однако, и другие упражнения, уже не в письме — им пишущий владеет свободно, — а в усвоении и выработке канцелярского стиля, для какой-либо цели на разные лады, с внесением то тех, то других изменений в текст. Пишущий упражняет себя в формулировке документа. У нас в коллекции Гос. Эрмитажа имеется великолепный образчик такого рода упражнений канцеляриста — деревянная, с обеих сторон покрытая письмом доска, текст которой относится не то к 449, не то к 464 г. Этот текст 5 раз с разными вариациями повторяет одно и то же — фиктивное распоряжение высшего должностного лица на имя известного впоследствии своей трагической смертью Флавия Антиоха Дамоника, погибшего в 468 г. в несчастном для византийцев морском бою с вандалами. Для нас же этот вообще интересный памятник интересен и как наглядный пример того, с каким трудом и тщанием вырабатывался и усваивался тот официальный стиль византийских канцелярий, который так поражает нас изысканностью и кудреватостью своей постройки.

Обо все этом и о многом другом говорят нам папирусы, будь то частные письма, или упражнения в письме и стиле, или правовые документы частного и официального характера. Вся жизнь Египта как греко-римского, так и византийского и арабского, проходит перед нами в пестрой смене лиц и явлений. Мы видим, как с переменой правительств, в зависимости от этой перемены, меняется облик страны, способы и органы управления, уклад жизни, социальные условия, духовное развитие жителей. Мы наблюдаем, как видоизменяется даже стиль актов и документов, постепенно переходящий от прежней предизности к византийской расплывчатости и многословию. Мы видим, наконец, как греческий язык все более и более варваризируется, втягивая в себя иноязычные элементы, главным образом коптизмы.

Но каково же, если выключить отмеченные памятники, содержание прочих, сохраненных нашими папирусами, и на какие отделы они распадаются? Этих отделов будет два: документы официальные и частные. Но в свою очередь каждый из отделов подразделяется на ряд мелких в связи с тем, откуда исходит документ и каковы его цель и назначение.

Что касается официальных документов, то в первую голову заслуживает внимания один, падающий на 209 г. н. э. и касающийся культа бога Аписа. Это — две расписки, составлявшие некогда часть целого свода таких же расписок. Выданы они храмовыми служителями бога в удостоверение того, что последние от директоров государственного банка получили за срок такого-то и такого-то года как деньги на расходы бога, так и свое, причитающееся им, вознаграждение. Главная важность этого документа из разряда «храмовых актов» заключается в том, что из него нам впервые становится известен состав служителей Аписа, носящих следующие характерные наименования: «священно-кормильцы», «священно-врачи», «священно-повара». Но не менее уникален и другой документ IV в. из другой, уже не религиозной области. В нем содержатся остатки большой «расходной книги» какого-то, повидимому, военного или

провиантского ведомства, на обязанности которого лежала забота об обмундировании и продовольствии стоявших в Египте воинских частей. Идут длинные списки предметов, нестрят перед глазами хламиды, плащи, накидки и т. д., приводятся цены, перечисляются поставщики, упоминаются способы перевозки, гильдии ткачей, валяльщиков и т. д., — словом, мы видим, что, как и кем доставляется ведомству и как многочисленными чиновниками завозятся в книгу с отметкой подлежащей уплате суммы. Все это очень важно и тем более поучительно, что такой „расходной книги“, и притом военного ведомства, мы в папирусах не встречали.

Так и идут один за другим папирусы официального характера, разного объема, разного содержания, разного значения: деловые журналы должностных лиц, приказы и распоряжения органов администрации, отчеты властей, всевозможные расписки в уплате и взносе налогов и податей, бесконечные по числу знакомящие нас с сложной историей налоговой системы и т. д., — богатейший материал для изучения внутренней истории Египта, главным образом за римский и византийский периоды. А за документами официального характера непрерывной лентой тянутся деловые документы, частного характера, распадающиеся на две главные группы: на документы, иллюстрирующие сношения частных лиц с должностными, и на документы, заключающие в себе сделки частных лиц между собою. В первом случае мы имеем дело с разными прошениями и жалобами по всевозможным серьезным и не серьезным поводам, а также поземельные и аукционные списки, декларации собственников по поводу своего имущества в связи с подоходным налогом, сходные декларации, имеющие отношение к через каждые 14 лет производившейся переписи населения и т. д. Сюда же можно относить и обязательные доклады о смерти или рождении того или другого члена семьи. Что же касается сделок частных лиц между собою, то они еще более многочисленны и разнообразны. Для примера отмечу купчие и аренды, заемные письма и договоры, поручительства и завешавия, и, наконец, брачные контракты, причем, поскольку дело касается последних, у нас есть единственный в своем роде контракт времен имп. Констанция, контракт, по условиям которого неимущий жених входит в дом тестя в качестве нахлебника, связанного целым рядом обязательств.

Содержание и значение папирусов наших коллекций мною в общих чертах отмечено. И если о чем мне хотелось бы сказать еще несколько слов, то это о документах времени начальной оккупации Египта арабами, когда он, перестав быть провинцией Византии, еще не потерял своего греческого лица и культуры.

Папирусами этой эпохи особенно богата бывшая коллекция Н. П. Лихачева, где дополняющая, а где и продолжающая соответствующую коллекцию Британского Музея, и в своей датированной части захватывающая 709—721 гг., губерваторство Корры бен Шарика (*Kóρρα βέν или υἱός Σέρου*).

Документы, сюда входящие, выдержаны еще в стиле византийских канцелярий и распадаются на распоряжения и приказы губерватора с одной стороны, и на счета и списки — с другой. Липом же, которому дают

ся приказы, является главным образом грек Василий, диойкет Афродитопольской пагархии. Содержание приказов очень разнообразно, но тон везде одинаковый,—суровый, неуререкаемый, по большей части с присоединением угрозы самого жесткого взыскания в случае неточного исполнения распоряжений. Из этих распоряжений особенно важны два, проливающие яркий свет на тяжелое положение населения, которое в значительной части своей находится в „бегах“. И вот на обязанности пагарха и подчиненных ему лиц лежит обнаружение „беглых“, вылавливание их и отправка по этапу на место их прежнего жительства. „А если хоть одна беглая душа будет найдена в твоей области,—добавляет Корра,—то ты заплатишься своим имуществом“. О том же, что с провинившимися жителями не церемонились, но часто применяли к ним самые жестокие пытки, говорит другой приказ того же Корры. В нем отменяется одна из пыток: вливание в рот и нос извести, разведенной уксусом, причем отмена мотивируется тем, что такая пытка отражается на потере пытаемыми их работоспособности, что невыгодно для государства, теряющего нужные ему рабочие руки.

О мучительности же пытки повествует нам одно письмо, посланное слугой господину и падающее на период сассанидского нашествия на Египет, т. е. на 619—629 гг. „Да знает мой добрый господин, что я многое выстрадал,—говорит автор письма, и продолжает.—Пришли Персы и потащили меня в Фоссат и пытали меня уксусом и известью, вливая в рот и нос. И стал мертвым я, как те, что в гробу. Через три часа вернулось дыхание, и нашел я, что Персы ушли, а меня к северу от Летополя бросили. Ушел я таким образом из их рук и добрался до Арсинои. Там разболелся я. Пока же я без сознания лежал, взяли Персы еще и детей моих. И вот один, нагим, пришел я сюда“.

Это письмо пусть будет заключительным словом моего доклада... Хотя я и не мог с исчерпывающей полнотой обозреть весь громадный материал, представляемый нашими коллекциями, все-таки для каждого, думается мне, ясно, как много нового заключает он в себе и для филолога, и для историка, и для юриста. Следовало бы нам расширить наши коллекции папирусов, и сделать папирологию одним из предметов преподавания на историко-литературных факультетах наших вузов, ибо ей предстает богатейшее будущее.